

Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы.

Мф. 4:18

Я подплыл к берегу, затащил байдарку. Внезапно из тростниковой гущи возник приземистый старик в длинном кожаном фартуке и кожаных сапогах. — Бог в помощь. Зачем пожаловал?

— Добрый день. Передохнуть захотелось, напекло, и ветер встречный утомил, вот залив ваш внимание и привлёк,—отвечал я.

Прошло семь дней моего пребывания на Селигере, и я успел приметить этого одинокого рыбака. Ранним утром он подплывал к торгующим женщинам и выгружал рыбный запас. Изобилие свежей, сушёной, солёной и копчёной рыбы всегда удивляло.

— Ветра испугался? Понятно всё с тобой, лодочник,—неохотно протянул старик.

— Вы извините меня, пожалуйста, если я вас потревожил,—оправдывался я.

— Это хорошо, что от сердца вещаешь,—подметил хмурый старик.—Правду в тесный приток не упрячешь, она обширной воды требует. Ну, пойдём, непростенный гость, время обедать.

На берегу лежали две перевёрнутые лодки, рядом четыре весла и мотор. Жилище обхватывали развешанные самодельные снасти. Никакой ограды, только деревянный домик и маленькая часовня на берегу—вот и всё владение. Напротив лачуги—две лавки, два пня и сосновый стол, на нём горячая уха в котле, варёная картошка в чугунке, соленья в деревянной посуде, чёрный хлеб, жареный судак и пара копчёных угрей. Перед обедом старик помолился, а когда мы перешли к земляничному отвару, я отважился спросить:

— А вы всю жизнь здесь живёте?

— А ты, видимо, решил, что я бездомок?—неожиданно рассмеялся старик.

Он продолжил:

— После войны я в доме этом обосновался, его ещё в начале тридцатых братья Ионовы выстроили. Я мало что изменил, обновил дом пару раз в шестидесятые и в конце восьмидесятых. Братья Ионовы жилище добротное оставили. До войны

в окрестности старший из братьев Ионовых считался человеком добрым, хотя и запальчивым. Горячность эту он не раз подтверждал в спорах, на охоте, промысле и в деревенских междоусобицах. Как-то раз, в запале вступившись за блаженного плотника, у которого слыл в подмастерьях, Семён оторвал в драке ухо одному из обидчиков. Заступник был крепкого склада, смуглый, зачастую первенствовал среди односельчан, вставал с первым пегушиным криком, был отзывчив, а за голенищем носил кожевненный нож, приобретённый у осташковских сапожников (почти такой же нож старик продемонстрировал и мне). За всё время войны я встретил Семёна только один раз. В сорок первым в госпитале, в Осташкове. Помню гнетущий дух от разложившихся тел, санитар а с киплой бородёнкой, он вынес перебинтованного Ионов-старшего из госпиталя. Контуженный, израненный Семён с окаменелым от боли лицом подозвал меня, надорвал край окровавленной гимнастёрки, извлёк из потаённого кармана осиновый крест и чёрный пояс, протянул мне. На распустившейся ленте было написано: *«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него»*. Спустя годы я узнал, что после исцеления Ионов-старший воевал под Сталинградом и Будапештом, был тяжело ранен, попал в плен. Потом концлагерь, побег и снова концлагерь. Весной сорок пятого Ионов-старший был изуверски замучен «Больцанским Чудовищем». Убийцу его, зверя лютого, несколько лет назад сыскали в Америке, будь она неладна. Я вот бесенёнка этого имя записал...

— А младший?—спросил я.

— Куда ты всё спешишь? Все вы такие, спешка—она не от Бога, даром ли в народе приговаривают: «Поспешишь—нагрессишь». Вот ты умный, из Москвы, а знаешь, что поговорка эта от преподобного Амвросия Оптинского в народ пришла? Не знаешь,—проворчал старик.—Об Андрее Ионове мало что знаю, он вообще кроткий был. Хотя и первым во многом оказывался. Как-то к осени ближе мы по грибы отправились, я не заметил, как наступил на гадюку, точнее, на выводок змеиный, вот мамаша ихняя меня и куснула. Да ещё как! Думал, Богу душу отдам! Меня и воротило, и нога

отекла, и голова раскалывалась, и сотрясало, да вот Андрей подоспел, надрезал рану и долго выдавливал кровь и причитывал: «*На руках возмутя, да не когда преткнешии о камень ногу твою: на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрью и, яко позна имя Мое*». После того как в кампанию тысяча восемьсот двенадцатого года осташи обули всю русскую армию, слава о городе и ремесленниках прошла по всей России и облетела Европу. Андрей некоторое время обучался кожевному ремеслу у ершеедов, но по рыбацкой части; сапоги, фартуки, варежки шить учился. Он первым услышал призыв по радио, первым явился в военкомат, первым добровольцем отправился на фронт. Андрей служил на флоте. Оборонял Севастополь, а во время Эльтигенской операции, когда эвакуировали десант, обустроил отправку раненых. Сорок морпехов спас! Был ранен при освобождении Херсона, а в сорок пятом в Болгарии пропал без вести. Более ничего,—горько выдохнул старик.

— А семьи, дети у Ионовых были?

Старик разгладил бороду и ответил:

— Старший-то был женат. У озера Стерж стоял одинокий дом на обросшем кургане, где в древности городище располагалось, там любовь свою Семён и нашёл. Так на месте впадения Волги в озеро Стерж у каменного креста они и повстречались. — А Андрей был женат?

— В летописи своей преподобный Нестор писал об оковском непроглядном захолустье, в котором затерялись полчища Батыя, вот за ним, на соединении Селижаровки и Волги, есть селенье Оковцы, там и проживала невеста Андрея. Дальше только дело не зашло. Война разлучила. В нашей стороне война, как одичалая блудница, до сих пор живёт, пришла с Батыем и память о себе оставила из частюкола с человеческими головами, отсюда и название Кровавый тын, прижилаась и прячется в окопах, рвах, блиндажах, дотах, могилах братских. — Так что получается: от братьев Ионовых после войны ничего не осталось? Ни фотографий, ни писем? Ничего?

— Она самая большая память, что от братьев осталась. Любуйся!—старик указал рукой на деревянную постройку чёрного цвета.

Он встал и пошёл к постройке, я последовал за ним.

— Вот посмотри, какая божница, и создана из ели, без единого гвоздя, без единой скобы,—важно проговорил старик.

— А как же скрепляли брёвна между собой?

— Ионовы свежий еловый выруб выдерживали до двух лет, потом тесали, строгали, коловоротом сверлили и прошивали тоненьким и длиннющим берёзовым корешком. Так и лодки встарь делали. Потом освящали. И ни гниль, ни течь, ни огонь такому деревянному сооружению нипочём!

Старик бодро рассказывал о постройке, потом открыл часовню и пригласил меня внутрь. Зайдя, я ощутил необъяснимую твёрдость под ногами, в храме был каменный пол, я наклонился, чтобы убедиться, а старик, понимая моё недоумение, проговорил:

— В месте этом великий языческий камень лежал, может, сто лет, а может, и тысячи, вот на нём Семён святилище и воздвиг с Божьей помощью. Сотворённому на камне водяное нашествие нипочём. Так было, так есть и так будет.

Солнечные лучи осветили резной иконостас. Старик перекрестился и продолжил:

— Здесь всё как положено: лики Пресвятой Девы Марии, все, что благодать нашему брату рыба-рю несут,—Селигерская, Озерянская, Оковецко-Ржевская, и апостольское рыбацкое братство: Андрей и Пётр, а за ними Иоанн, Иаков, Филипп, Фома, а вот и святитель Никола—как без него?—вот и Иоанн Кронштадтский.

Краснощёкое солнце погрязало в летне-зелёное раздолье. Моросило. Проворный ветер затихал. У храма старик посмотрел на меня внимательно и посоветовал:

— Самое время сейчас—ветер стихает, и ещё светло, пойдёшь на Нилову пустынь—будь аккуратен. Как увидишь размашистый пролив, что разделяет Кличен и Городомлю,—знай: гиблое место. Эти Чёртовы ворота многих в бесовскую бучу сопроводили.

Мы подошли к байдарке, с ухмылкой старик посмотрел на связку окуней и сказал:

— Негусто окупёк, негусто, но по рыба-рью и улов. Сам-то я какую только рыбину не вылавливал—почитай, всю: и тщедушный снеток, и нахрапистая щука, и разбойный судак, и жадный терпуг, и пугливая плотва, и бойкий окунь, и скромняга лещ, и мудрёный налим, и капризный ёрш, и ехидный угорь—все в мой намёт попадались!

Я отплыл. Старик стоял на берегу болотного залива, а набегающие волны приносили напутствие созерцателя: «*Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есть в скорби, изму его, и прославлю его, долгого дней исполню его, и явлю ему спасение Мое...*»